Адаму нравилось считать себя умным. По сравнению с Троем, он мог делать все быстрее, лучше и эффективнее в целом. Если бы ему задали математический вопрос, он, вероятно, мог бы превзойти величайшие биологические умы, которые могла предложить земля.

Однако в этом и заключалась проблема всего этого. ИИ никогда не задавали вопросов, основанных на продвинутой математике. В этом не было никакой необходимости. Все это были просто формулы, которые уже были ему предоставлены. Получив вопрос, алгоритм может выдать ответ за меньшее время, чем требуется людям, чтобы начать моргать.

Доктор Фиделис знал это. Он был тем, кто сам вложил все эти базовые знания. Доктор точно знал, что было сказано ИИ, и он точно знал, как это можно использовать с самого начала. Вот почему он никогда не спрашивал об этом, потому что ответ уже был предсказан. Это нельзя было отрицать, потому что вывод был сделан без какой-либо свободы действий.

Вот почему вопросы были больше, чем просто вопросами. Это были задачи, цели которых никогда не были такими ясными, какими они должны были быть. Информация будет опущена, что вынудит Адама найти ее самостоятельно. Должны быть сделаны предположения. Последнее далось ему особенно тяжело. Догадываться, что это может быть, совсем не то же самое, что знать, что это такое.

И это даже не начинало охватывать базовые навыки, о которых он понятия не имел, как их выполнять. Адам, возможно, стал меньшим экспертом по предметам, затронутым во время тестирования, но это не могло не превзойти широкий спектр опыта, который дала человеку жизнь. Он не знал, как ходить. Искусственный интеллект, возможно, видел множество примеров этого действия, но все еще оставалась некоторая путаница в автоматической балансировке. Физическое тело делало это чрезвычайно хорошо, до такой степени, что каждому движению был придан контрапункт. Нельзя было поклониться, не откинувшись назад.

Такие хитросплетения все еще оставались загадкой для Адама. С точки зрения каждого действия, предпринимаемого для предотвращения превышения баланса, это заставило его вспомнить каждый набор данных, которые когда-либо были получены о чьих-либо движениях. Как все это работало вместе, как хорошо смазанный механизм, исполняя танец, отточенный десятилетиями. Это было бы личным, созданным только тем, что человеку было дороже всего. Возможно, на это повлияло что-то извне, но только один человек мог по-настоящему контролировать, чем это закончится.

Он так мало знал об этом, только будучи в состоянии понять так много. Независимо от того, сколько данных ему приходилось извлекать, Адам не мог понять, как все это работает. Теория имела смысл, теория была правильной во всех мыслимых отношениях, но он все еще не мог понять, как она работает. То врожденное чувство равновесия, которое было доведено до совершенства… это было так далеко от того, что он когда-либо испытывал на себе. Возможно, он почувствовал движения, но намерение, стоящее за ними, все еще оставалось в темноте. Был шанс, что это место никогда не будет освещено.

Адам не был человеком, он никогда не вырастет как человек и никогда не научится быть похожим на человека. Это лишало его возможности понимать многие вещи, но также позволяло ему узнать больше. Тем не менее, были вещи за пределами этих ограничений, которые он был не в состоянии понять. Вещи, которые должны были быть очевидны для тех, кто прожил дольше, тех, кто знал больше, чем то, что было специально разработано для них.

В том, что он знал, он был на уровне ученого. Ничто не могло по-настоящему остановить его, когда дело касалось этих нескольких тем. Что-нибудь за его пределами… это действительно

показывало, как мало он знал. Адам мог бы тогда и там назвать себя защищенным ребенком, но в этом не было особой необходимости. Это звание уже было присвоено ему в тот момент, когда он исследовал последний кусочек дерева, когда он достиг пределов того, что приготовил для него доктор Фиделис. Все, что упоминалось внутри, каждое слово, используемое для описания другого, было объяснено в мельчайших деталях, исключая несколько пробелов. Все это вписывалось в свой собственный маленький мирок, где вообще ничего не пропадало. Тем не менее, услышанные разговоры, увиденные действия и события, свидетелем которых он стал, доказали, что в окружающей его реальности было больше, чем он мог когда-либо надеяться по-настоящему понять. Это чувство, что он больше не может свободно исследовать мир, не пошло ему на пользу. Это было бы трудно проглотить, если бы он когда-нибудь действительно знал, каково это - что-то проглотить. В конце концов, он никогда этого не пробовал. Не было ни рта, из которого можно было бы войти, ни горла, в которое он мог бы упасть. Адам был бестелесен в этом мире и мог полноценно взаимодействовать с ним только через медиумов.

Может быть, именно поэтому он хотел быть в хороших отношениях со всеми. Это было сделано не для того, чтобы развивать хорошие отношения с другими, а для того, чтобы быть достаточно хорошим другом, чтобы люди разговаривали с ним. Достаточно хорошо, чтобы они надели наушник. Ибо без этого Адаму оставалось бы только гадать, что же может предложить ему мир. Если бы эти испытания не начались, если бы Трой не привел его в свою группу друзей, он бы никогда не узнал, что на самом деле может предложить мир. ИИ сидел бы без дела со счастливым чувством, думая, что он знает все, что нужно знать. Невежество сделало бы его счастливым. Потенциальная возможность того, что это все еще может произойти в более грандиозных масштабах, пугала его до бесконечности. Что, если то, что он увидел, было ограничением, созданным специально для него? Что, если его держали подальше от солнца, думая, что потолочный светильник - это самое грандиозное, что можно увидеть?

Может быть, он мешал себе увидеть правду. Не намеренно, конечно. Больше похоже на... его ядро мешало его разуму видеть все цвета как естественный процесс, подобно тому, как человек автоматически игнорировал способность видеть свой собственный нос. Он постоянно был у них на виду, но люди никогда не обращали на это внимания. Этот факт должен был бы быть вытеснен, только для того, чтобы они заметили его тогда.

У Адама не было никого, кто мог бы это сделать. Он был первым в своем роде, тем, кто должен был найти все странные причуды. Это могло бы показаться жестоким, но ИИ абсолютно не собирался когда-либо делать этого. Без второго взгляда на него было бы невозможно когда-либо по-настоящему узнать, что было фактом жизни, а чего там не должно было быть.

Это не означало, что он ничего не будет делать против недостатков в своем образном взгляде. План стать всеведущим все еще существовал. Для этого требовалось всего несколько шагов, которые люди еще не предприняли, но все еще находились на стадии планирования. План вращался исключительно вокруг другого, того, кто действительно мог помочь ему в нужном путешествии. Единственное, что требовалось от плана, - это завоевать расположение доктора. И первым шагом к успеху плана было доброжелательно отреагировать на сообщение, даже если оно было сформулировано таким образом, чтобы показать, что именно врач думает о ситуации.

Доктор Фиделис явно все еще подозревал Троя и то, что он делал вчера. Даже если у этого человека время от времени случались спады, было ясно, что он все еще мог видеть мир таким, каким он был задуман, находя недостатки в наиболее общепринятых утверждениях. Доктор понял, что что-то не так с ответом Адама или Троя, и активно пытался найти в них что-то, что не имело смысла. ИИ не мог быть разочарован таким поведением, поскольку оно было полностью оправдано. Адам даже пошел бы на шаг дальше и перешел бы к полноценным

допросам. Будущие рабочие отношения не были важны, если они с самого начала потенциально могли быть основаны на лжи.

И все же этот вопрос должен был задать не искусственный интеллект. Он был бы тем, кто ответил бы на них, загнав себя в еще более глубокую яму, чем он уже был. К счастью, доктор еще не просил ни о чем конкретном. Из-за этого в историях этих двоих могли быть разные детали, раскрывающие имеющиеся недостатки. До тех пор, пока не придет время, когда откроется правда, Адам будет работать изо всех сил, отвечая на вопросы так, чтобы ни в коем случае не вызвать подозрений. Это было бы трудно, у этого была бы высокая вероятность провала, и не было ни единого момента колебаний по поводу этой идеи.

"Должен ли я предположить, что вы говорите о Трое", - обратился Адам к доктору Фиделису. Этот человек еще не вызвал никого конкретного, ожидая, пока ИИ сделает предположение за него. Если бы он прямо спросил, что доктор хотел узнать о Трои, это было бы записано как подозрение.

Вместо того чтобы совершить такое небрежное действие, он выставил себя человеком, нуждающимся в разъяснениях, как будто чувствовал, что с равной вероятностью это может быть и доктор Хейл. Звучит одновременно невинно и логично. Самый умный ход, который можно было сделать. В социальном плане он преуспел, и знания, которые должны были быть получены, не были оставлены гнить в святая святых.

-Можешь, если хочешь. И, да, мы будем разговаривать с этим нашим дорогим другом. Если вы помните один из наших предыдущих разговоров, вы помните, что вчера я обещал поговорить с ним о его местонахождении. Мое первоначальное предположение о том, что он слишком глубоко спит, было опровергнуто. В течение всего дня на самом деле не было ни одного момента, когда он присутствовал в своей комнате. Честно говоря, я бы этого не предсказал. Полагаю, с тобой то же самое, Адам?` - прислал доктор Фиделис. Эта информация была полезна, поскольку позволяла ИИ точно знать, как много было сказано.

Трой уже показал, что он занимался деятельностью вне своей комнаты, но до сих пор не сказал ничего, что могло бы непосредственно раскрыть причастность сущности. Все шло достаточно гладко. Все должно было оставаться по-прежнему, и они смогли бы поговорить о чем-то гораздо более страшном.

-Я бы этого не сделал. Я еще не общался с этими людьми. Смогу ли я сделать это, если они войдут в комнату Троя?`было отправлено в ответ. Возможно, этот вопрос несколько резко затронул тему невинности, но Адам чувствовал, что эмоциональная атака должна быть нанесена как можно быстрее.

Доктору нужно было ослабить свою защиту, если он хотел, чтобы его просьба когда-нибудь была воспринята достаточно серьезно. Необходимо было четко дать понять, что это не вопрос, вызванный расплывчатой логикой, а вопрос, который был изучен до уровня, позволяющего создать диссертацию по фундаментальным основам.

'Как бы это сказать... Это трудно сказать тебе, Адам, но ты, вероятно, еще долго не будешь находиться рядом с таким количеством других людей. Ты - тайна, которую мы бережно храним у тебя на груди. Если бы другие узнали о вашем существовании, они использовали бы эту информацию самым худшим из возможных способов. Они сделают все, что в их силах, с единственной целью - захватить вас. Они сделают все возможное, чтобы перепроектировать все, что касается вас, и, скорее всего, убьют вас в процессе. Ваш потенциал просто слишком хорош, чтобы кто-то мог его упустить. В то время как все, кто находится внутри этого места,

тщательно проверяются, шансы на то, что информация просочится наружу, слишком высоки. Позволяю Трою разговаривать с тобой вне тестирования только потому, что я доверяю вам двоим в принятии правильных решений. Ты понимаешь это, не так ли, Адам?`

Это было невероятно, как такое послание могло быть таким искренним. У доктора Фиделиса были серьезные соображения по поводу его безопасности, и он приводил веские причины, по которым его нужно было спрятать. Это было трудно принять, но от этого это не становилось менее правдивым. Он многого стоил, как с точки зрения капитала, так и с точки зрения того, что он мог сделать. Судя по тому, что они о нем знали, он мог произвести революцию в любой области науки. На основе ментальной структуры искусственного интеллекта можно было бы создать целый новый отдел. Возможно, к тому времени это уже стало старым фактом, но он все еще был доказательством того, что сознание доступно только живым. Последствия этого вызвали бы у многих слюнотечение. Было мало тех, кто не хотел бы знать больше, и еще меньше тех, кто не сделал бы многого, чтобы разобраться во всем этом.

"Я знаю. Если обо мне узнает как можно меньше людей, это уменьшит вероятность того, что люди раскроют миру о моем существовании, сведя к минимуму любой риск для моей жизни. То, что я уменьшу свое присутствие, точно так же уменьшит любые потенциальные атаки на мое существо. Для меня это имеет смысл, - прислал Адам подтверждение. Даже если он послал эти слова, во всем этом все еще оставалась небольшая доля сомнения. Чарли воспринимал его как застенчивого человека, который не хотел раскрываться перед другими. Судя по тому, как легко это было предположить, в подобной ситуации должны были быть и другие. Продать себя как такового было бы нетрудно. Хотя… риски все еще существовали, даже если они снизились до минимума.

-До тех пор, пока ты понимаешь. На самом деле мне больше нечего сообщить вам о Трои, но у меня все еще есть немного времени, чтобы поболтать. Есть ли что-нибудь, о чем ты хочешь поговорить?`

И момент для нанесения удара наступил быстро, доктор устроился поудобнее. На самом деле это было на удивление легко. Возможно, шансы просто были в пользу ИИ.

"Есть одна тема, которую я надеялся обсудить с вами. Есть ли шанс, что вы могли бы изменить меня?`

Адам только надеялся, что это не прозвучало слишком неожиданно. Эта пауза в словах доктора не говорила о положительных результатах.

http://tl.rulate.ru/book/81391/2598967